

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА **ЛУЧШЕЕ**

**Издательство «ГрандМастер» входит
в холдинг «Эксмо» и самостоятельно
определяет редакционную политику.**

Мы издаем лучшую остросюжетную, историческую, общественно-политическую литературу и биографические очерки, а также интеллектуальную публицистику. Эти книги адресованы преимущественно мужской аудитории — тем, кто хочет получить от чтения яркие эмоции, актуальные темы, новые знания, правдивость и достоверность. Это не значит, что прекрасной половине человечества запрещен вход на территорию издательства «ГрандМастер», — читательницы познакомятся здесь с яркими, харизматичными героями, такими, которых принято называть «настоящими мужчинами».

В ближайшее время вас ждут новинки:

«Переписка Николая II с Вильгельмом II», которая выйдет в уникальной серии «Библиотека Николая Старикова».

Роман Валерия Рощина «Время первых», созданный на основе сценария одноименного фильма.

КРИСТОФЕР ХИТЧЕНС

И ВСЕ ЖЕ...

ГРАНД МАСТЕР

МОСКВА
2017

УДК 821.111-4(73)
ББК 84(7Coe)-44
X52

Christopher Hitchens

AND YET...: ESSAYS

Copyright © 2015 by Estate of Christopher Hitchens

Хитченс, Кристофер.

X52 И все же... / Кристофер Хитченс ; [пер. с англ. Е. А. Мордашева]. — Москва : Эксмо, 2017. — 416 с.

ISBN 978-5-04-089184-9

Эта книга — посмертный сборник эссе одного из самых острых публицистов современности. Гуманист, атеист и просветитель, Кристофер Хитченс до конца своих дней оставался верен идеалам прогресса и светского цивилизованного общества. Его круг интересов был поистине широк — и в этом можно убедиться, лишь просмотрев содержание книги. Но главным коньком Хитченса всегда была литература: Джордж Оруэлл, Салман Рушди, Ян Флеминг, Михаил Лермонтов — это лишь малая часть имен, чьи жизни и творчество стали предметом его статей и заметок, поражающих своей интеллектуальной утонченностью и неповторимым острым стилем.

Книга Кристофера Хитченса «И все же...» обязательно найдет свое место в библиотеке истинного любителя современной интеллектуальной литературы!

УДК 821.111-4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Перевод на русский язык. Е. Мордашев, 2017
© Издание, оформление.
000 «Издательство «Эксмо», 2017

ISBN 978-5-04-089184-9

Че Гевара: Расставание

Когда вскоре после победы революции Кастро Эрнесто Гевара возглавил Национальный банк Кубы, его обязанностью стало ставить подпись на новеньких купюрах в 10 и 20 песо. И он не без презрительной рисовки выводил на них свой боевой позывной «Че». Жестом, превратившим купюры в объект вождения коллекционеров из стана левых, он продемонстрировал явную склонность к выходу за рамки монетарной экономики и того, что принято называть «денежными отношениями». Это был порыв одновременно мечтателя и аскета, и он, вероятно, подытоживал талант Гевары как импровизатора, так и человека расчетливого.

Во время моего недавнего визита в Гавану в связи с работой над документальным фильмом для Би-би-си, посвященным 30-летию со дня гибели Гевары, я обнаружил, что сейчас там в обороте четыре законных платежных средства. Самым почитаемым был и остается доллар США. Ни одна из экономик стран зоны Панамского канала не станет пренебрегать универсально применимым зелененьким символом. Некогда доллар был прерогативой кубинской номенклатуры и тех, кто имел доступ в валютные дипломатические магазины, ныне денежки «от дяди Сэма» можно обменять даже на улице, чтобы после расплатиться ими в отелях или свежеприватизированных ресторанах, где их принимают куда охотнее песо. Второй по

значимости является особая валюта — купоны «Интур», отпечатанные министерством туризма Кубы и предназначенные исключительно для иностранных туристов. Огромные участки пляжей побережья, в особенности в районе Варадеро под Гаваной, превращены в резервации для проживания специфической когорты «интернационалистов». Третье платежное средство — «конвертируемый песо», купоны, приравненные к долларам. И, наконец, это собственно кубинский песо, обесцененный настолько, что даже те, кто протрет вам стекло, пока вы ждете зеленый свет на перекрестке, без звука возвратят вам протянутую кучу денег.

Вот на них-то и красуется лик Че Гевары. И по иронии судьбы, это обстоятельство символизирует верность режима равнодушно-презрительному отношению Че к деньгам. А под стилизованными постерами героя-команданте с подписями-лозунгами вроде «Социализм или смерть» молодая поросль Гаваны, как и во времена Сэма Джанканы и Джорджа Рафта, продает свои гибкие тела. Сувенирно-туристический хлам расходуется через киоски прямо у памятных мест, связанных с пребыванием в Гаване Эрнеста Хемингуэя. В среде либерально настроенной части писательской братии, как и давно живущих на Кубе американцев, только и разговоров, что о всплеске уличной и иной преступности. По той же иронии судьбы эта тема «преступников поневоле» актуальна и в Лос-Анджелесе, и в Нью-Йорке. Неужели и здесь все происходит из-за отсутствия работы и невозможности ее найти? Или же с обществом что-то не так? Ведь совсем еще недавно Марта Геллхорн¹ уверяла своих читателей, что, дескать,

¹ Марта Эллис Геллхорн (1908 — 1998) — американская писательница и журналистка, военный корреспондент. — *Прим. ред.*

в Гаване ни о каком хулиганстве и речи быть не может. Призраком прошлого кажется древний и полузабытый диспут на тему «морального и материального», будто на облупившемся фасаде проступают наспех замалеванные, зримые черты Че.

Прилетев с Кубы в Канкун (Мексика), я купил номера «Майами геральд» и «Нью-Йорк таймс». На первой странице «Геральд» новость о том, что Гектор Сильва, кандидат от «Фронта национального освобождения имени Фарабундо Марти», избран мэром Сан-Сальвадора. Дальше в газете говорилось, что многие из тех, кто поддерживал будущего мэра на выборах, не желают снять значки, на которых Сильва так смахивает на Че Гевару. Когда я в 1987 году брал у него интервью, этот решительный и красноречивый Сильва показался мне скорее потенциальной жертвой политического убийства, чем истинным кандидатом.

На первой странице «Нью-Йорк таймс» репортажи из Заира, заявление Лорана-Дезире Кабины о том, что восставшие к июню овладеют столицей. Корреспондент газеты, как обычно ссылающийся на мнение «западных дипломатических источников», утверждает, что это произойдет куда раньше. После свержения Батисты Че Гевара с распростертыми объятиями принял на Кубе силы сандинистов, пребывавших тогда в эмбриональном состоянии, и «Фронт имени Фарабундо Марти». А одним из его последних поступков перед отбытием в Боливию стал визит на озеро Танганьика для поднятия духа деморализованных противников Мобуту. (На этот раз он довольно скептически оценил М. Кабину, тактика которого здорово отдавала родо-племенными чертами, а сам он явно тяготел к мегаломании, да и не особо цере-

монился с дезертирами и пленными.) И все же Мобуту можно было считать крупным бриллиантом в африканской короне ЦРУ. Так что, по-видимому, не всем историческим насмешкам уготовано было происходить за счет Гевары.

Поверхностный итог значимости Че в основном сводится к символике и идолопоклонству. Частично в гламурном варианте: в фильме Эндрю Ллойда Уэббера «Эвита» Антонио Бандерас создает слегка идеализированный образ Гевары. Придворный кубинский фотограф Альберто Корда, запечатлевший выражение негибаемой решительности на лице команданте, обеспечил Че вечное амплуа «борца с капитализмом» в среде представителей слегка «революционного» поколения 1960-х годов. (А вот и возмездие от этого же поколения: концерт «Оливетти» в одной из реклам использовал широко известный плакат с Че Геварой, снабдив его припиской: «ЕГО бы мы точно наняли на работу!») Правительство Кубы предприняло ряд юридических шагов, желая положить конец производству популярного в Европе пива, названного в честь самого известного из коммунистических великомучеников.

Культ образа Че во многом обязан своим существованием ранней и романтизированной гибели команданте. Джордж Оруэлл сказал как-то: мол, заполучи Наполеон пулю в лоб из русского мушкета где-нибудь у ворот Москвы, как его тут же навеки зачислили бы в ряды величайших в истории военачальников со времен Александра Македонского. А Гевара не только пережил свои идеалы, но и сама гибель его послужила основой для зарождения мифологии. Разъезжая на ослике по горным плато, он якшался с беднотой. И не раз живописал картину сво-

ей гибели. И был с презрением отвергнут и предан как раз теми, кого так рвался выволить из рабства. По роду занятий исцелял больных и увечных. Фотоснимки убитого Че Гевары — с бородой, полураздетого, со следами ранений — чем не параллель с Голгофой? И место, где он обрел вечный покой, также потонуло во мраке неизвестности. Якобы сохранилось множество реликвий — вещей, ему некогда принадлежавших. Поговаривали даже о видениях...

Для сравнения отпечатков пальцев с теми, что имелись в соответствующих учреждениях Аргентины, ЦРУ и его боливийские коллеги распорядились отрубить Геваре кисти рук. Впоследствии они были переправлены на Кубу одним из сбежавших туда из Ла-Паса¹ сотрудников. Мы должны быть благодарны Кастро уже хотя бы за то, что он не выставил на всеобщее обозрение мумифицированные останки команданте по примеру ленинского мавзолея. И еще: я специально наводил справки в Гаване — ни один из снимков убитого Че Гевары так и не был опубликован на Кубе. «Кубинский народ», как мне напыщенно заявили в киноархиве, «помнит товарища Че живым». Действительно, им ежевечерне показывают живого Че Гевару — рубящего сахарный тростник, выступающего с приветственными речами перед кубинскими пионерами, с трибуны ООН, шагающего по просекам джунглей Сьерра-Маэстра и взгорьям Боливии.

Все бесследно исчезнувшие отмечены в Латинской Америке особым трагизмом. Повсюду от Буэнос-Айреса и

¹ Ла-Пас, полное название Нуэстра-Сеньора-де-ла-Пас, — город в Боливии, фактическая столица государства, а также административный центр департамента Ла-Пас. — *Прим. ред.*

до Гватемалы вы найдете комитеты одетых в траур *madres*¹, требующих сообщить им о местонахождении пропавших сыновей и дочерей. Есть и соответствующие «комиссии по установлению истинных обстоятельств», зачастую со-общающие об очень страшных вещах. Че Гевара с полным правом может считаться самым известным «бесследно исчезнувшим» в Западном полушарии. Когда Джон Ли Ан-дерсон, автор самой объективной и завораживающей би-ографии Гевары, описал в прошлом году обнаруженное им место предполагаемого захоронения команданте (пока что сведения не могут считаться абсолютно достоверными, но, скорее всего, упомянутое место находится под одним из участков взлетной полосы военного аэродрома Валлегран-де в Боливии), этот факт не мог не вызвать всплеска ин-тереса к судьбам других без вести пропавших в Боливии.

Еще один способ описания и придания оригинально-сти и новизны наследию Че Гевары — представление его символической фигурой «магического реализма». В своих «Дневниках мотоциклиста», записках о путешествии через весь южноамериканский континент в начале 50-х годов Че Гевара, тогда еще студент-медик, делится впечатления-ми о лепрозориях. Свой 24-й день рождения он отметил в одном таком учреждении в Перу, пациенты которого уго-стили его «писко» — местным самогоном из мускатного винограда. Будучи под хмельком, Че Гевара произносит спич:

«Раздел Америки на непонятные, иллюзорные на-ции — полнейшая чепуха. Мы — единая раса метисов, которых отличает зримое этнографическое сходство,

¹ Madres (исп.) — зд. матерей. — Прим. ред.

населяющие континент от Мексики и до Магелланова пролива. И вот, в попытке покончить с этим уколобым провинциализмом, предлагаю выпить за Перу и за Объединенную Америку!»

Как он позже описывал это событие в письме матери:

«Альберто, считающий себя прямым потомком Перона, произнес настолько впечатляющий и демагогический спич, что наши гостеприимные хозяева со смеху покатались... Аккордеонист без пальцев на правой руке пользовался палочками, привязанными к запястью, певец был незрячим, да и почти все там были калеками — все дело в особой невротической форме заболевания, так распространенной в той местности. Все там очень напоминало сцену из фильма ужасов — отблески керосиновых ламп на речной воде, мелькание лучей фонариков, увечные... А само место исключительно приятное...»

Пьяненький юный Че в джунглях, излагающий прокаженным идеи панамериканизма, — подобную сцену Вернер Херцог наверняка не решился бы описать, что же касается Гарсия Маркеса, тому и в голову не пришло бы ничего подобного. (Маркес однажды в присутствии одного из моих друзей заявил, что, мол, чтобы описать жизнь Че Гевары, ему потребовалась бы тысяча лет (или миллион страниц). Его документальное произведение «Операция «Карлотта» — открыто прокубинский, истинный панегирик Фиделю, повествование о поездке в Анголу, где вскользь упомянут и состоявшийся чуть раньше визит Гевары в Конго.) Но такие разные, казалось бы, писатели,

как Хулио Кортасар и Николас Гильен¹, оба считали Че Гевару источником вдохновения. Если уж Че и воздвигли памятник, то сложен он из воображения латиноамериканских литераторов.

Если — по примеру Андерсона — считать жизнь Че Гевары хроникой предреченной гибели — то ее можно рассматривать и как череду логически связанных глав и притчей. Притча первая — перед нами предстает бунтарь в духе героев Джеймса Дина и Джека Керуака. «Че» — приставка, отчетливо указывающая на аргентинское происхождение ее обладателя, означает что-то вроде «приятель», «друг» — родился в ирландско-испанской семье обедневших аристократов из рода Линч. Он всегда был само обаяние, хулиган и сердцеед. Период усмирения сексуальных позывов, похоже, не затянулся надолго: с необычайной прямоотой он повествует о недвусмысленных физических симптомах либидо, что бывает нечасто у тех, кого принято считать профессиональными революционерами. Его семья не скрывала крайне негативного отношения и к нацистам, и к Перону, хотя в Аргентине тех лет это было чревато серьезными неприятностями.

Эрнесто принимал весьма активное участие в молодежной жизни, хотя активность эта здорово отдавала показухой — помогал беженцам из франкистской Испании, задирали пронацистски настроенных школьных

¹ Совокупность образов в этих произведениях тяготеет скорее к национальному героизму, но никак не к социализму или революции. Будучи убежденным коммунистом и современником Пабло Неруды, сам Николас Гильен в 1959 году написал оду, в которой сравнивал Че Гевару с Хосе Марти и Сан-Мартином. Хулио Кортасар посвятил Че Геваре пеан, предложив свои перо и руки взамен отрубленных убийцами рук Че Гевары.

учителей и институтских преподавателей. И в этом юноша мало чем походил на отца — Эрнесто куда меньше ненавидел Перона уже за то, что тот, по крайней мере, был националистом и терпеть не мог «этих янки». Еще юноша хоть и страдал от астмы, но ни в какую не желал смириться с недугом. Вниманием, уделяемым им спорту, активному времяпрепровождению на свежем воздухе, одним словом, всему, что закаляет физически, он весьма напоминает Теодора Рузвельта. Именно воля и еще раз воля сформировала его дальнейшее отношение к жизни.

Следующая притча — решение Эрнесто сделаться врачом. Благодаря этому он встречался со многими опытными врачами-социалистами и, таким образом, из первых рук получал сведения о том, как обстояли дела со здравоохранением в регионе. В «Дневниках мотоциклиста», в известной степени закрепивших образ шалопа в духе героев Дина — Керуака, мы найдем массу ценных идей и подробных описаний, относящихся именно к этому периоду становления Че. Тема «эффекта радикализации», оказываемого медицинским образованием на молодых идеалистов — выходцев из среднего класса, воистину достойна вполне приличной монографии. В ходе странствия по югу Америки на Гевару произвела неизгладимое впечатление встреча с Уго Пеше, врачом-лепрологом из Перу, марксистом по убеждениям. Этот человек, автор книги о катастрофически низком уровне развития стран Анд под названием «Меридианы безмолвия», 10 лет спустя получил в дар авторский экземпляр книги Че Гевары «Партизанская война» с дарственной надписью. Разумеется, ее автору были весьма интересны вопросы, связанные с социализацией и национализацией медицины. (Еще одним, кто попытался осилить

первое издание, был президент США Джон Кеннеди, для которого ЦРУ молниеносно перевело книгу на английский и который по ее прочтении срочно распорядился о формировании «сил специальных операций» — материализация тезиса Режиса Дебре¹ о том, что «революция революционизирует контрреволюцию».)

Третья притча — перед нами убежденнейший интернационалист. Будучи ребенком от интернационального брака, Гевара женился на перуанке, а детям выхлопотал гражданство Мексики. Ему было предоставлено кубинское гражданство, от которого он впоследствии отказался. Гевара погиб в стране, обязанной названием Симону Боливару, и неподалеку от города, названного в честь одного из соратников Боливара. Че Геваре нравилось примерять образ Дон-Кихота, скитальца без роду и племени, борца за справедливость. «Я вновь чувствую своими пятками ребра Росинанта, снова, облачившись в доспехи, я пускаюсь в путь», — писал он родителям, покидая Кубу. (Аласдер Макинтайр² первым уловил здесь связь со скептическим высказыванием Маркса, считавшего, что «странствующие рыцари неприемлемы ни в каком обществе».) И действительно, Че довольно поздно пришел к марксизму. Он сам считал, что коренной и фундаментальный поворот в его мировоззрении пришелся на 1954 год, то есть на период пребывания в Гватемале, где он воочию убедился в без-

¹ Режіс Дебрé — французский левый философ, политик. — *Прим. ред.*

² Аласдер Чалмерз Макинтайр, родился в Глазго, Шотландия, 12 января 1929 г. — один из ведущих представителей американской политической философии и этики, в частности направления эмотивизма, коммунитаризма. — *Прим. ред.*

жалостности и цинизме, с которым ЦРУ расправилось с правительством Хакобо Арбенсы Гусмана¹.

Обстоятельства этого переворота достаточно полно изложены в книге Стивена Шлезингера и Стивена Кинзера «Горькие фрукты». О подготовке путча, соучастии США в заговоре против президента Гватемалы, о роковых последствиях этого шага для всех без исключения гватемальцев, в особенности для коренных жителей страны — майя, — не так давно стало известно после рассекречивания части архивов ЦРУ, а также в результате обнаружения тайных массовых захоронений на территории Гватемалы². В исследовании Кинзера-Шлезингера Гевара упомянут лишь вскользь. А Джон Ли Андерсон со скрупулезной точностью воссоздал картину его участия в описанных выше событиях.

Че Гевара прибыл в Гватемалу в декабре 1953 года после довольно продолжительных странствий по континенту. Он решил задержаться в этой стране для того, чтобы всерьез задуматься о своей дальнейшей судьбе — обстановка в Гватемале была накалена до предела, в воздухе отчетливо пахло как революцией, так и контрреволюцией. И, надо сказать, чутье его не обмануло. После избрания на пост президента страны реформатора Хакобо Арбен-

¹ Хакóбó А́рбенс Гусмáн (исп. Jacobo Árbenz Guzmán, 14 сентября, 1913 — 27 января, 1971) — государственный деятель Гватемалы. После свержения Убиго в 1944 году в 1944—1951 годах Арбенс был министром обороны. С 1951 по 1954 год — президент Гватемалы, пытавшийся проводить прогрессивные реформы («Гватемальская революция»), но свергнутый в ходе военного переворота, организованного ЦРУ. — *Прим. ред.*

² Подробнее см.: Peter Kornbluh, The New York Times, «The CIA's Foreign Policy», Op-Ed Page, May 31, 1997, и Larry Rohter, «Guatemala Digs Up Army's Secret Cemeteries», The New York Times, June 7, 1997.